

УЛЬЯНА РОМАНОВА

ОПЕРАЦИЯ

”ПРИРУЧИТЬ СТРОПТИВУЮ”
МОЯ БЕЗ ШАНСОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Романова

**Операция «Приручить
строптивую». Моя без шансов**

«автор»

2026

Романова У.

Операция «Приручить строптивую». Моя без шансов /
У. Романова — «автор», 2026

— Вы не будете здесь командовать! И учить меня воспитывать сыновей вы тоже не будете! Это мое помещение, мой бизнес и мои дети, в конце концов! Что вы о себе возомнили, Хасан Муратович? — холодно процедила я. — Запомни, женщина, решают мужчины! — отрезал он. — Да? Ну, это мы еще посмотрим... «Развод не приговор, а дети не помеха для появления классного бородатого мужика в твоей жизни», — поставила диагноз моя подруга. Лучше бы она этого не говорила! Потому что он взял и появился! Хамоватый. Бородатый. Огромный. Властный. Он почему-то думает, что может принимать решения за меня. Я разведенка с двумя детьми. Хасан Алиев — вдовец, который воспитывает сына-подростка. У нас одно бизнес-помещение на двоих и взаимная ненависть с первой встречи. И последнее, чего бы я хотела, — это влюбиться в него. Нет, пожалуйста, только не это!..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ульяна Романова

Операция "Приручить строптивую". Моя без шансов

Глава 1

Данелия

— Сева, Сеня, собирайтесь, в школу опоздаете! – крикнула я в двери детской комнаты. Двенадцатилетний Всеволод высунул растрепанную голову в дверной проем и лениво ответил:

– Успеем, мам.

– Арсений! – нетерпеливо позвала я. – Ну что ты там копаешься?

– Рюкзак собираю, – завопил мой первоклашка. – Где ластик?

– В пенале, – подкрашивая губы, ответила я. – Дети, умоляю, давайте хотя бы пару дней без ваших шалостей? Не заставляйте меня и снова у директора краснеть!

– Давай позовем папу, пусть он краснеет, – предложил мой старший.

– Ваш папа никогда не краснеет, – пробурчала я и мысленно добавила:

«Потому что совести у него нет!»

Всеволод вышел из комнаты с рюкзаком, поправил кудрявые вихры на голове, подстричь которые он не позволял, и заорал:

– Мелкий, пойдем! Я его отведу, мам.

– Спасибо, сынок, – выдохнула я.

– Сеня, бегом, я не мама, долго уговаривать не буду, – продолжал Сева.

Мой младший старшего побаивался. Из комнаты он вышел с недовольной морской и с претензией:

– А сменку обязательно каждый день с собой носить?

– Все вопросы к педагогам! Я тоже не в восторге, что первоклашки каждый день таскают тяжелый рюкзак и обувь, – вздохнула я.

Собрала сыновей, помогла младшему накинуть рюкзак на плечи, а сверху – мешок со сменкой, и благословила на дорожку.

Дети ушли, а я прислонилась к стене и ждала, когда сердце перестанет биться как сумасшедшее и легкий приступ паники закончится.

Два месяца назад я вынуждена была начать новую свободную жизнь с двумя детьми и нехорошей перспективой «разведенки с прицепами».

Мы с сыновьями перебрались в мой родной город, откуда я уехала шестнадцать лет назад вслед за любимым мужем, который к сорока годам решил, что он устал и хочет продлить молодость, а для этого нашел себе женщину, не обремененную мозгами и обязательствами в виде двоих школьных детей.

Дэн захотел легкости бытия, приключений и новых романов. Сначала бывший увлекся конным спортом, потом полез на гору, возомнив себя великим альпинистом, затем прыгнул с парашютом, а квинтэссенцией его кризиса среднего возраста стала молодая студентка. Я же собрала вещи, детей и уехала туда, куда, думала, больше никогда не вернусь, – в город моего детства.

Я накинула осеннюю курточку, поправила макияж, снова сделала глубокий вздох, надела сапожки на каблуках и отправилась покорять этот мир. Вышла на улицу, щелкнула брелком сигнализации и...

– Данелия! Дана, это ты?

Я резко обернулась и встретилась взглядом с моей старой школьной подругой Яниной.

Мы близко дружили в школе, а потом наши пути разошлись. Я поступила на экономический, а подруга пошла учиться на педагога.

– Янка! – обрадовалась я. – Сколько лет не виделись!

Мы обнялись так, словно не переставали дружить все это время:

– Красотка, – рассматривая меня, резюмировала Янина, – ты не стареешь.

– Да ты тоже словно на молодильных яблочках растешь, – ответила я.

– Ты как тут? Я слышала про твоего папу, соболезную.

– Спасибо. Ян, я тороплюсь. Может, тебя подвести? По дороге поболтаем. Тебе куда? – предложила я.

– Мне на улицу Революции, увольняюсь со школы, достали. Просили бумаги подписать, вот, еду.

– Это по дороге, – припомнила я, – поехали.

– Тачка – огонь! – прокомментировала последний подарок бывшего Яна. – Внедорожник новенький.

Я скрипнула зубами и натянуто улыбнулась. Внедорожник Дэн мне вручил после первого похода налево, но тогда я этого не знала и радовалась как ребенок тому, что даже спустя пятнадцать лет наши чувства все так же сильны.

Я села за руль, дождалась, пока Янина пристегнется, и завела мотор.

– Ну, рассказывай, как жизнь? Ты к маме в гости приехала?

– Не совсем, – уклончиво заметила я. – Мы с Дэном развелись, я вернулась.

– Да ты что? Как так? Данка, тебе ж весь наш класс завидовал, такая любовь... А что случилось? Изменил?

– Классика, – согласилась я, – кризис среднего возраста, приключений на седую голову захотелось.

– А ты?

– А я собрала вещи, двоих детей и ушла.

– Ну хоть подарки не забрал, уже хорошо. Алименты-то платит?

– Платит. И детям звонит. Он против нашего переезда был, но его мнение перестало учитываться после его последнего приобретения в виде милой барышни-студентки.

– Да? Обычно мужики к надутым куклам уходят.

– Мой оригинал оказался. Она, понимаешь, на него с восхищением смотрит.

– А ты? – засмеялась Янина.

– А у меня с возрастом зрение ухудшилось, все больше глаза прищуриваю, а он думает, что я так свое пренебрежение показываю, – засмеялась я.

– Мужики как дети. Я тоже развелась два года назад, дочь у нас двенадцать лет.

– Моему старшему столько же, – улыбнулась я. – А что с работой?

– Да что с работой... Нервы мотают только. Часы иностранного языка урезали, я же французский и английский преподавала. Зарплата – слезы, я бы за день у церкви на паперти больше зарабатывала, ей-богу. А у меня дочь, у нее запросы... Телефон новый купи, платье красивое купи... Пока репетиторством спасаюсь, ищу вакансии. Дан, я, может, не в свое дело лезу, но ты мне про отца расскажи. Дядя Альберт такой мировой мужик был.

Я прикрыла глаза и выдавила одно-единственное слово:

– Рак. Ушел за три месяца, мы даже сообразить ничего не успели.

– Держись, подруга.

– Приходится. Папа мне в наследство квартиру оставил и коммерческое помещение в центре. Я планирую заняться его ремонтом, там первый этаж пустует. Весь второй этаж арен-

дует стоматологическая клиника. Сегодня должен прийти прораб, нужно сделать ремонт и выставить помещения для сдачи.

– А сама что? Открой свое дело, ты ж талантливая.

– Какое, например? – улыбнулась я.

– Не знаю, – вернула мне улыбку подруга, – а что сейчас модно? Кальянные? Кофейни, кондитерские.

– Кажется, я еще не готова морально начинать что-то настолько рискованное, – призналась я. – Давай номерами обменяемся, на днях встретимся, поболтаем?

– Это я всегда с удовольствием, – мягко улыбнулась Янина. – Диктуй, я дозвон сделаю.

Я продиктовала номер, экран мобильного загорелся и погас, а Янина закончила:

– Не хандри, подруга. Развод не приговор, а дети не помеха для появления классного бородатого мужика в твоей жизни. Бородатого и харизматичного, – прыснула она.

Если бы в тот день я знала, насколько ее слова окажутся пророческими, то, наверное, поехала бы домой. Заперлась на все замки и не высовывала нос на улицу.

Но я спокойно довезла Яну до школы и поехала осматривать помещение, которое отец оставил мне в наследство.

Здание было двухэтажным. Первый этаж давно пустовал, а вот весь второй занимала стоматологическая клиника – одна из самых популярных в нашем городе.

У клиники имелся свой отдельный вход с торца, который украшала яркая вывеска с названием и фото счастливой семьи. Папа, мама и двое деток.

Я припарковала машину и мысленно поставила себе задачу найти владельца, с которым нужно было перезаключить договор аренды под новые реквизиты.

Достала ключи и открыла дверь, ведущую на первый этаж. М-да. Работы будет много. Запустение, пыль, на стенах облупившаяся краска... Ремонт мне обойдется в копеечку, а финансы весьма ограничены.

Я глянула на часы и выругалась: прораб, с которым у меня была назначена встреча, опаздывал. Опоздунов я не любила, ибо сама была пунктуальной до педантичности, и начинала злиться.

Прошла по кабинетам, прикидывая, какой фронт работ обозначить мастерам, когда... В проеме двери оказалась фигура. Такая... Мощная очень. И бородатая. С харизмой и сведеными вместе бровями.

Черные глаза незнакомца внимательно сканировали меня, ладони он спрятал в карманы классических брюк, а белая рубашка обтягивала его грудь, явно проверяя крепость пуговиц. Мужчина смотрел на меня уверенным взглядом и молчал.

«Надо же, какие прорабы пошли клиентоориентированные, в рубашках на объекты ходят», – подумалось мне.

– Опоздываете! – намекнула я, постучав указательным пальцем по наручным часам.

Незнакомец не ответил, продолжая осматриваться.

«И молчаливые!» – пришла следующая мысль.

– Хорошо, пойдемте фронт работ осмотрим, составим смету. Значит, стены в коридоре нужно будет привести в порядок и покрасить в цвет... Нейтральный цвет нужен. Бежевый или светло-зеленый. Окна тоже нужно будет поменять, эти скоро рассыпятся. Дальше... Потолки... Что вы молчите?

– Вы кто? – громыхнул он так, что я подпрыгнула.

Голос у прораба был грубый, хриплый и... мужественный.

А вот тон меня покориб!

– Я владелица этого помещения. Данелия Альбертовна Штер, – с достоинством представилась я. – А вы прораб. Так, может, нам стоит обсудить ремонт?

– Я буду разговаривать только с мужчиной! С женщинами я бизнес не веду, – окончательно добил он меня.

Я так разозлилась, что повысила голос и ядовито прокричала в пространство:

– Мужчина! Мужчина, вы где? Ау! Не отвечает, представляете? Может, он под тем старым столом спрятался? Вы поищите, поищите... А, нет мужчин, приходите, когда появится. А сейчас вы уволены, я найду другого мастера!

– Кто будет арендовать первый этаж? – проигнорировал мои слова прораб.

– А вы, собственно, кто будете? – начиная что-то подозревать, уточнила я.

– Алиев Хасан Муратович, второй этаж – мой, – он говорил так, словно сваи забивал в бетон силой своего слова.

– Замечательно, – согласилась я, – значит, сразу и поговорим. Стоимость аренды я повышать не буду, но договор нужно будет пере...

– Где Альберт? – перебил меня Хасан Муратович.

– Умер полгода назад. Я его наследница.

– Почему не его сын?

– Наверное, потому, что у Альберта только дочь?! Единственная!

– Пришлете новый договор моему юристу на почту, – отрезал он, развернулся и ушел!

Нет, каков шовинист, а? С женщинами он дел не ведет!.. У меня от ярости перед глазами темные круги замелькали!

И пока я пыхтела и негодовала, зазвонил мой мобильный.

– Да, сынок, – ответила я старшему.

– Мам, тебя в школу вызывают, – виновато ответил он, – к директору.

– Всеволод! Что ты натворил?

– Ничего. Приезжай, – отрезал Сева и отключился.

День обещал быть длинным...

Глава 2

Хасан

Я поднялся к себе в клинику и позвал помощника:

– Ильдар, хозяин помещения изменился, проконтролируй.

– Кто новый владелец? – Ильдар, который сидел за столом в моем кабинете, поднял голову и поправил очки на носу.

– Дочь Альберта. Договор аренды хочет переподписать.

– Понял. А номер телефона ее у нас есть? Как-то бы мне с ней встретиться...

– Она внизу. Сам с ней переговоры води, я с женщинами не работаю принципиально, – отрезал я, – это твоя ответственность.

– Хасан Муратович, давно хотел спросить, а почему?.. – робко уточнил Ильдар.

– Потому что бабы на него вешаются через одну, а Хасан Муратович траур не снимает, все Настеньку свою оплакивает, – вставила Ильвина Ильгизовна.

Уважаемой Ильвине Ильгизовне на прошлой неделе исполнилось шестьдесят лет, а в нашей клинике она работала уже лет тридцать, успев еще моего младшего брата понянчить.

– Просто не люблю доступных. Не уважаю, – отрезал я. – Мужчина должен за женщиной ухаживать, это закон.

– Пора бы уже и о личной жизни подумать, Хасан. У тебя Ильяс, ему мама нужна.

– Некогда мне думать о личной жизни, Ильвина Ильгизовна. Вы что-то хотели? Или чай попить зашли?

– Пирожков для Ильясика напекла, – улыбнулась женщина, протягивая мне пакет, – передай от меня.

– Спасибо, – я приложил ладонь к груди, забрал пакет и отвлекся на мобильный.

Звонил мой сын, который должен был быть в школе.

– Папа, тебя директор вызывает, – быстро сообщил сын.

– Что ты сделал? – вздохнул я. – Ильяс?

– Ничего не сделал, так надо было, – гордо ответил мой орел.

– Жди, еду, – ответил я, убирая телефон.

– Вот. Плохо мальчику без материнской ласки, вот он и бунтует, – подсказала Ильвина Ильгизовна.

– Ему двенадцать, в этом возрасте все бунтуют, – не согласился я. – Нас трое у мамы было, и мы все бунтовали так, что Ильясу не снилось. Какие будут предположения на этот счет?

– И тебе женщину надо, характер портится, – ничуть не испугалась моя лучшая стоматолог.

– Я поехал, – отмахнулся я.

Вышел на улицу, посмотрел на закрытые двери первого этажа, отметил, что языкастая Данелия Альбертовна уехала, и сел в свой «Гелендваген».

Завел мотор и поехал на разборки с директором, искренне не понимая, что такого мог натворить мой сын, что нужно было вызывать в школу меня.

Припарковался у ворот, поправил рубашку и пошел в кабинет директора. Постучался, вошел и нахмурился. В кабинете сидел мой сын в компании вихрастого мальчишки его возраста, а я рядом краснела Данелия, мать ее, Альбертовна.

Я погасил острый приступ раздражения при виде ее и грозно уточнил:

– Что происходит?

– Пройдемте со мной, – величественно потребовала директор, сжимая губы в тонкую линию.

Следом за ней семенила другая женщина. В очках, с виду интеллигентная.

А замыкали колонну пацаны, я и Данелия, которая цокала каблуками по кафелю и сильно меня этим раздражала.

– Куда мы идем? – спросил я, чтобы отвлечься от этого цоканья шпилькой по каменному полу коридора.

– Сейчас все сами увидите, – пообещала вторая, – я преподаю литературу у вашего сына. Анна Сергеевна я.

– Хасан Муратович, – представился я.

Нас привели в кабинет, на табличке которого было указано, что это кабинет русского языка и литературы, и пригласили внутрь.

– Полюбуйтесь! – всплеснула руками Анна Сергеевна, – это... Это издевательство! Богохульство! Так унижить Александра Сергеевича! Свет нашей литературы. Как только рука поднялась...

Я перевел взгляд на сына, Ильяс низко опустил голову.

– А мне нравится, – неожиданно подала голос Данелия, – по-моему, очень талантливо.

Я же рассматривал портрет Александра Сергеевича, нарисованный прямо на стене кабинета. Лицо было нарисовано в профиль, яркими красками, но вполне узнаваемо.

– Ильяс, нафига? – не понял я.

– Так было надо! – мой орел гордо поднял голову и в упор посмотрел на меня.

Упрямый... Как его мать!

– Всеволод у нас новенький, а уже так отличился, – продолжала директор.

Я вспомнил, что сын недавно подружился с каким-то новеньким мальчишкой, который в этом году перешел в его класс. А так как Ильяс никогда не обладал талантом рисовать, то стало ясно, что подставил его сын Данелии, которая нравилась мне все меньше.

– Мальчики, оставьте нас, – потребовала она.

Ильяс даже на меня не посмотрел, просто выполнил то, что она сказала. Пацаны вышли за дверь, прикрыли ее, а Данелия вздохнула:

– Мы все исправим.

– Мы? – уточнил я. – Ильяс ровную линию на бумаге нарисовать не может.

– Однако в кабинете директора оказались мы все, – ровно ответила мне женщина.

– Рисовали оба, – встряла директор.

– Что нужно? Покрасить стены в классе? Мы с Хасаном Муратовичем обязательно этим займемся и в ближайшее время закрасим Александра Сергеевича, – косясь на меня, пообещала Данелия Альбертовна. – Надеюсь, инцидент исчерпан?

– Будет, когда это безобразие сотрут со стены, – благосклонно кивнула директор, – я рада, что у наших учеников такие ответственные родители. До свидания.

И покинула кабинет.

– А я считаю, что мальчики очень талантливые и нужно развивать дар рисования, – тихо пробормотала Анна Сергеевна. – Разумеется, там, где это позволено делать, а не расписывать стены в кабинете.

– Вы абсолютно правы, – согласилась с ней Данелия, а пацаны вернулись.

Я развернулся к Ильяс и грозно спросил:

– Как будешь решать вопрос?

– Я покрашу стены, – ответил сын.

– Мы покрасим, – добавил вихрастый, который был так похож на свою мать, словно ее мелкая копия.

– Вы предлагаете... – вклинилась Данелия.

– Я ничего не предлагаю, я спрашиваю, как пацаны будут решать вопрос. Сами накосячили – сами пусть исправляют! С вас, Данелия Альбертовна, краска.

– Почему с меня? – охнула она. – Лихо вы на нас ответственность перекладываете, Хасан Муратович.

– Делаю выводы. До дружбы с вашим сыном Ильяс на стенах не рисовал, потому что не умел.

– Дети, за дверь! – Снова потребовала она, упирая руки в бока.

Я развернулся к воинствующей женщине и почувствовал, как ноздри зашевелились. Она меня раздражала. Очень сильно раздражала.

– Я не буду исправлять косяки взрослого пацана, – сразу же обозначил я.

– Ему всего двенадцать!

– Ему УЖЕ двенадцать! И запрещаю ему дружить с вашим, – завелся я, – чувствую плохое влияние.

– Я, кажется, догадываюсь, почему вам не нравится мой сын. Потому что его женщина родила, да? У вас какая-то нелюбовь к женскому полу? Вас обидели? – съехидничала Данелия.

– Нет, конкретно вы, которая все делает за пацана. Кого вы планируете воспитать? Маминного сыночка?

– Мужчину, который свободен в своих творческих проявлениях и знает, что родители его поддержат. Психологически здорового ребенка я воспитываю, – она завелась, а у меня уже темные круги перед глазами появились от накатывающего волнами раздражения.

Глаза Данелии метали молнии, подстегивая меня еще сильнее.

– Напомните мне вашу фамилию? – холодно произнесла она. – Хамидзе?

– А ваше имя не Стервелла? – сразу же ответил я, забыв, что всегда был хладнокровным. И с женщинами не ругался, но эта провоцировала сама! Какой я ей Хамидзе?

– Я найду рабочих, которые закрасят стены, – отрезала она.

– Ильяс закрасит. Ваш тоже вызвался.

– Извините, – пыталась вклиниться в наш диалог Анна Сергеевна, но мы были немного заняты.

– Краску покупаем пополам, – сквозь зубы процедила Данелия, которая вообще меня не боялась.

Смотрела в глаза с вызовом и уступать не собиралась. В другое время я бы восхитился, но сегодня это раздражало!

– Я сам куплю, – решил я, – и краску и кисти.

– Лучше валики, вы предлагаете мальчишкам кистями стены закрашивать? Вы представляете...

– Женщина! Я сам решу этот вопрос!

– А я, по-вашему, должна сейчас молча выйти, молча поехать домой и молча встать у плиты? – ехидно уточнила она.

– Это было бы идеально, – меня несло.

– Не дождетесь. Краска пополам, купите валики и скажете, когда их привезут в школу.

– Сама красить придешь? – Дошло до меня.

– Сама решу, что мне делать. И не смейте запрещать мальчишкам дружить!

Она оставила последнее слово за собой, развернулась, попрощалась с Анной Сергеевной и вышла из кабинета, доводя меня до белого каления стуком своих шпилек.

И пока я дышал, пытаясь вспомнить, с чего я вообще так завелся, в кабинет сунул нос Ильяс.

– Пап, поехали домой?

Я кивнул педагогу, вышел, облегченно выдохнул, когда понял, что мой раздражитель на шпильках уже покинула коридор, и нарычал на Ильяса:

– Зачем вы эту белиберду на стене нарисовали?

– Так надо было! Все, пап, больше ничего не скажу. Это мое дело, и я все исправлю.

– Хорошо, – сдался я, – поехали.

Глава 3

Данелия

Мы с сыном неспешно спускались по лестнице на первый этаж. Он шагал впереди, я шла за ним.

– Сева, зачем ты нарисовал Александра Сергеевича?

– В кабинете литературы? – иронично хмыкнул мой старший. – Чтоб был.

– Всеволод, я всегда на твоей стороне...

– Я знаю. Так надо было, мам! Все. Надо закрасить – мы с Ильясом закрасим. Больше ничего не скажу, – отрезал Всеволод.

Я же шла и пыталась вспомнить, в какой момент милый, щекастый мальчишка, который всегда был со мной, вдруг стал таким взрослым и принимающим самостоятельные решения.

Кажется, я ничего не пропустила в его жизни, кроме этого момента – взросления. Просто не заметила перехода.

– У Арсения когда уроки заканчиваются? – сменила я тему.

– Через десять минут, – глянул на часы Сева.

– Подождем. Так, стоп. Вы прогуляли уроки, пока Пушкина рисовали?

– Ма-а-ам, – протянул Сева и закатил глаза.

– У тебя определенно есть тяга к творчеству, давай я тебя на рисование запишу? – предложила я. – Ты просто не знаешь, куда выплеснуть желание творить, вот и вытворяешь!

– Я записался в школу выживания с Ильясом, – сообщил мне сын.

– Это что еще за школа такая? – не поняла я.

– Ну, там инструктор учит всему: драться, лазать по горам, выживать в лесу, ставить палатки.

– Ладно, это я одобряю, но настаиваю, чтобы ты хотя бы не перед фактом меня ставил, что куда-то записался! – всплеснула я руками.

– Да сегодня только решили. Не нервничай так, мам. Все нормально.

– Да? – иронично спросила я. – Буду знать, что вызов к директору – это нормально.

– Мам, ну Пушкин же! Не Эйнштейна на литре нарисовал.

– Логично, – не могла не согласиться я, – но хотелось бы знать...

– Так. Было. Надо! – Сын развернулся и твердо посмотрел мне в глаза.

– Может, тебя наказать? – спросила я скорее для себя.

И отвлеклась на мобильный. Думала, это прораб, который так и не появился, но звонил бывший.

Да что за день сегодня такой?!

– Да! – нервно ответила я.

– Данусик, привет, – пропел Дэн.

– Если ты не горишь, то позвони позже, я занята!

– Чем? – не понял бывший.

– Воспитанием детей, которые, к слову, общие, – любезно напомнила я.

– И как они? Я Севе вчера звонил, он сказал, что все хорошо.

– А ты позвонил мне, чтобы удостовериться? – не поняла я.

Мы с сыном подошли к моей машине, я разблокировал двери и велела Всеволоду садиться. Сын устроился вперед, запер двери и уткнулся носом в свой телефон.

Я же краем глаза заметила черный блестящий «Гелик», стоящий вплотную к моей машине, и продолжила разговор.

– Данусик, ну не злись, радость моя.

– Ближе к делу, – сквозь зубы потребовала я.

– Малышка, птичка, зайка, тут такое дело... Забери Альфонса?

Альфонс был нашим котом. Точнее, котом Дэна. Как впоследствии оказалось, лысого кота породы сфинкс ему подарила та самая студентка, а мой бывший всегда отличался креативностью головного мозга и решил, что Альфонс – это подходящее для него имя.

– Новая любовница подарила тебе нового кота, а старого ты решил отдать мне? – подняла я брови. – Дэн, мне не нравится эта тенденция в твоей голове. Старой жене все старые вещи?

– Ты не старая, малышка. Ты самая красивая женщина, просто у меня период...

– Я не буду забирать Альфонса! Он гадит! И ты так его и не кастрировал! – выдала я.

Обернулась и подпрыгнула, когда в полуметре за своей спиной увидела обалдевшего до глубины души Хасана Муратовича с ключами в ладони.

Глаза мужчины округлились, а он продолжал стоять памятником самому себе.

– Данусик, ну я уезжаю надолго, оставить не с кем, только на тебя надежда, – продолжал уговаривать меня муж. – Ну, хотя бы на время!..

– Нет! – отрезала я и отклонила вызов.

Вдохнула поглубже, расправила плечи, обошла Хасана Муратовича по дуге, успев поймать горящий взгляд, нацеленный на меня. Когда мы поравнялись, он вздрогнул, опасно сузил глаза, но ничего не сказал.

– До свидания, тетя Данелия, – вежливо попрощался со мной Ильяс.

– До свидания, – мягко улыбнулась я мальчишке.

Который, в отличие от своего отца, мне очень нравился. Телефон продолжал разрываться в ладони, Дэн снова пытался дозвониться, но я была слишком зла, чтобы продолжать разговор.

Хасан Муратович сел за руль того самого «Гелика», завел мотор, и машина нервно сорвалась с места.

Шовинист!

Уверена, что мою последнюю реплику он слышал, а вот на то, как он ее интерпретировал, мне было плевать. Проблем навалилось столько, что я не знала, с какой начать! Я села в машину, достала из бардачка бутылку с водой и залпом выпила, призывая хладнокровие вернуться ко мне.

Телефон снова завибрировал, но на дисплее в этот раз высветилось «Прораб».

– Да, – голос звучал спокойно, но внутри все вибрировало.

– Хозяйка, ну ты где? Я пришел, тебя нет? Что за дела? – наехал он на меня.

– Вы опоздали на три часа! Я вам звонила раз десять, вы даже не потрудились ответить!

– И что? У меня работы знаешь сколько? И всем все вовремя сделай! Я разорваться должен? Подождать не могла, что ли?

– Вы уволены, – отрезала я.

– Э, а мне за время на дорогу потраченное кто возмес...

Но я уже его не слушала. Сбросила вызов, положила ладони на руль и смотрела вперед.

– Может, папе позвонишь? – предложил Всеволод. – Он все решит.

– Нет уж, я сама решу свои проблемы! Теперь это принципиально!

– О, мам, мне папа звонит, – Сева перевернул экран мобильного в мою сторону, а я сжала зубы.

– Да, пап, – принял он вызов, – нормально у нас все. И у мамы нормально. Не нервная она! Все у нее хорошо, нет у нас проблем.

Сын мне подмигнул, а я благодарно улыбнулась. Мне самолюбие не позволяло просить что-то у бывшего, кроме алиментов на наших общих детей. Но, слава богам, с этим у нас проблем не было.

– Рядом. На, папа хочет с тобой поговорить, – сын протянул мне мобильный.

Я забрала телефон и с ходу сообщила:

– Я не буду забирать Альфонса!

– Данусик, ну, пожалуйста, я твой должник буду навеки. Моя мама с ним уже выехала к тебе...

– Что? – ахнула я. – Ты издеваешься, да?

– Котенок, любое желание твое исполню... Ты же знаешь, у мамы на него аллергия...

– Забери кота обратно, – не своим голосом потребовала я, а потом хмыкнула от пришедшей внезапно мысли. – Дэн, а когда тебе студентка надоест, ты и ее ко мне отправишь? Если да, то приучи к лотку.

– Всегда любил твой острый язычок, – признался бывший. – Дана, любая проблема, или если денег надо, – ты только скажи, все сделаю.

– Забери кота! И маму!

Всеволод, услышав слово «маму», хлопнул ладонью по лбу и виновато посмотрел на меня.

– Все, у меня регистрация на рейс началась. Данулик, я всегда на связи! Пока.

Я хотела биться головой о руль и громко кричать, но лишь молча протянула мобильный сыну и уставилась вперед, наблюдая, как первоклашки начинали покидать здание школы.

– Мам, прости, я не знал, что папа нам тяжелую артиллерию в виде бабушки пришлет, – повинился Всеволод.

– Твой папа – мастер сюрпризов. Ладно, прорвемся! – я натянуто улыбнулась, а Сева предложил:

– Я за Сеней сам схожу.

Я кивнула, прикрыла глаза и просто ждала, когда внутри все перестанет дрожать от гнева. Недолго.

Вернулись мои дети, Сева усадил Арсения на заднее сидение, пристегнул ремнем безопасности, сам сел вперед и посмотрел на меня.

– Арсений, как дела в школе? – спросила я, выезжая с парковки.

– Нормально. Мам, я есть хочу.

– Вас что, не кормили?

– Кормили, но я эту кашу не люблю, – признался сын.

– Тогда план такой: заезжаем в магазин за продуктами, я быстренько что-то приготовлю, утром не успела, – решила я.

– А груши купим? – обрадовался Арсений.

– Купим, – кивнула я, разворачиваясь в сторону супермаркета.

Глава 4

Данелия

Мы с детьми заехали в супермаркет и набрали несколько пакетов с продуктами. Вернувшись домой, я достала из багажника два больших пакета, Всеволод взял два легких, а Арсению достались его обожаемые груши, которые мой младший мог есть на завтрак, обед и ужин.

Я поставила машину на сигнализацию, подхватила свои торбы, и мы с детьми отправились домой, но совсем чуть не успели дойти до подъезда, как были остановлены Яниной.

– И снова встретились, – улыбнулась я. – Дети, познакомьтесь, это тетя Янина, моя подруга. Ян, это Сева и Сеня. Как все прошло?

– Здравствуйте, – вежливо поздоровались мои хулиганы.

– Привет, бандиты, – внимательно осматривая мальчишек, мягко улыбнулась Яна. – Да никак, бесят! Но уволилась, – выдохнула подруга.

– А пойдем к нам? – предложила я с улыбкой. – Посидим, поболтаем?

– У тебя вино есть?

– Вина нет, – огорчилась я.

– Тогда я к себе, у меня есть бутылка обалденного красного грузинского.

– С меня закуска, – сразу же поддержала я. – Квартиру помнишь?

– Конечно! Жди, переоденусь, вино возьму и приду.

Мы с детьми продолжили наш путь. Поднялись на третий этаж и...

– Сколько можно вас ждать? – Статная женщина с гордо выпрямленной спиной, взглядом, ненавидящих всех и вся, и высокомерным выражением на лице уже спешила к нам с переноской в руке.

– Бабушка, – Арсений единственный, кто был раз ее видеть просто потому, что еще не дорос до правды, а сознательно настраивать детей против бабушки или отца я считала ниже своего достоинства.

К слову, отцом Дэн все-таки был не худшим. Да и мужем он был отличным – до того как пубертат стукнул ему в голову.

– Здравствуй, Арсюша, Сева.

– Лариса Аркадьевна, – холодно кивнула я.

Спокойно поставила пакеты на пол, достала ключ, открыла дверь и жестом пригласила детей войти.

Сева занес свои пакеты, затем мои и подпихнул Сеню внутрь.

– А меня непустишь? – Она сузила глаза и смотрела как обычно – с пренебрежением.

Моя бывшая свекровь была крашеной блондинкой. Длинные волосы – в дорогой укладке. Их натуральный цвет я не знала, ибо она всегда красилась в блонд. Одета она была дорого и со вкусом, тратя деньги своего сына на стилиста. С тех пор как Дэн стал прилично зарабатывать, эта женщина ни дня не проработала, решив, что сын – это ее личная инвестиция.

На ногтях – свежий маникюр красного цвета, а в руках – переноска с Альфонсом.

– Нет, – спокойно ответила я.

– Я всегда знала, что ты невоспитанная хамка!

– Эту войну начала не я, – напомнила я. – Ларисочка Аркадьевна, ну порадитесь: наконец-то ваша «магия» сработала, и ваш сын избавился от меня.

– Какая «магия»? – взвилась она, но очень неправдоподобно.

– Давайте-ка я вам напомню... Началось все с карт, да? Которые вы зачем-то раскидывали по нашей квартире. Потом, если мне не изменяет память, были иголки в моей подушке. Каким чудом они не впились мне в кожу, или того хуже – в глаз, непонятно. Что там дальше по списку? А, вспомнила, вы зачем-то украли мое белье и закопали на могиле отца Дэна. Новое,

Лариса Аркадьевна! Между прочим, ваш сын за него очень много заплатил, а вы украли. Ну, про бесконечные свечи я умолчу, про дорогой коньяк Дэна, который вы выпили и налили туда чай, я даже говорить не буду, он в таком шоке был...

– Ты все придумала, Данелия, – с ненавистью выплюнула она.

– Про ваше мнимое давление после ваших недельных запоев каждые два месяца тоже умолчим.

– Я не пью! У меня давление, гипертония.

– Разумеется, – не стала спорить я, – и вечными походами к бабкам-гадалкам вы тоже не увлекаетесь. Но если я не права, то порадитесь: труды шестнадцати лет не пропали даром.

– Неблагодарная! Мой сын тебя достал из помойки, обеспечивал, до сих пор деньги дает!..

– Денег я у него не беру, все, что он платит – он платит детям. А отбирать у них я не имею права. Да и помойка у меня очень комфортная, но, знаете, думаю, это не то место, которое вы заслуживаете. Вы ведь привыкли к роскоши.

– Я имею право на деньги моего сына. А ты едешь на машине, которую он купил.

– Нет сомнения, – вздохнула я, не желая с ней спорить.

И говорить, что я так же, как и Дэн, вкалывала на его фирме его же заместителем, тоже не стала. При этом воспитывала двоих детей и вела быт самостоятельно, не нанимая помощников.

Потому что какой смысл ей что-то доказывать? Сейчас я должна доказать что-то только себе. Доказать, что я могу всего добиться еще раз, но уже в одиночку.

Да, в тридцать шесть начинать заново, имея за спиной двоих мальчишек, не так весело, как в двадцать, но я справлюсь.

Я обязательно справлюсь!

– Правильно он тебя бросил.

– И я так думаю, – спокойно согласилась я.

– Присосалась к моему сыну...

– До свидания, Ларисочка Аркадьевна, – вежливо попрощалась я.

Вошла в квартиру и заперла дверь перед носом обалдевшей бывшей свекрови.

Уверена, что мне вслед полетело парочку проклятий, а зная любимую свекровь, могу гарантировать: ей не заржавеет сейчас сгонять на кладбище, набрать там земли и насыпать мне под дверь.

Было, проходили, пришлось долго подметать потом...

Я слышала нервные шаги за дверью и выдохнула: ушла.

– Мам, а где бабушка? – спросил Арсений, который уже переоделся в домашнее.

– Она ненадолго заходила, просто поздороваться, – подмигнула я.

И так хорошо стало на душе. Впервые за много лет я позволила себе высказать все, что накопело.

До этого все наши конфликты решал Дэн, работая эдаким бустом между мной и своей маменькой.

К чести бывшего мужа, в открытую оскорблять меня он ей не позволял, но Ларисочка Аркадьевна была мастером интриг. После того как Дэн узнал, какой конкретно «магией» увлекается его маменька, то провел с ней очень длительную беседу, пригрозив отлучить от денежной кормушки.

Ларисочка Аркадьевна, конечно, была не в восторге, но сделала вид, что угрозам вняла. Однако свои темные делишки не прекратила.

От ее родной сестры я узнавала об очередном «ритуале», призванном разлучить нас с мужем, но значения не придавала. Не верила я в магию.

Виделись мы со свекровью в основном на общих семейных мероприятиях, но дальше «Данелия уже ноготки обломала о моего сына» не заходило. И каждый раз, когда я отвечала, она симулировала гипертонию, кризис или просто срывалась на истощный крик.

В какой-то момент у меня выработался иммунитет, а мозг стал ее игнорировать, приняв за естественный раздражитель. Этот вариант свекрови не нравился совсем, но моей защитой тогда был Дэн.

До того момента, пока у него не случился кризис среднего возраста, когда он решил, что одна женщина на всю жизнь – это скучно, вспомнил, что мы с ним вместе с восемнадцати лет, а других женщин он «не пробовал», и пустился во все тяжкие.

А сейчас я словно расправила крылья и задышала полной грудью, высказав ей все, что я о ней думала. Ну, почти все. Основное высказала точно.

Я сменила костюм на домашний и отправилась в кухню – разбирать покупки. Арсений уже утащил грушу и спокойно ел ее в их с Севой комнате.

Когда я доставала творог и сметану, в дверь постучали.

– Открывать? – уточнил Сева.

– Это тетя Янина, открой. Только в глазок посмотри, если бабушка – то зови меня.

– Понял, – согласился сын.

Спустя несколько мгновений я услышала голос подруги и пошла встречать.

– Дана, у тебя под дверью кто-то оставил переноску. Судя по всему, в ней кот, – удивленно сообщила Яна.

– Да твою ж туда ж, – выругалась я. – Это Альфонс.

– Кот Альфонс? – Янина прыснула. – Дэн называл?

– Конечно, кто еще. Заноси, не выкидывать же его.

Яна занесла переноску, а я мысленно ругалась матом.

– Сева, – позвала я, – тут только кот. Ни лотка, ни наполнителя, ни корма.

– Одеваюсь, – прокричал сын из спальни.

– Что бы я без тебя делала, – с материнской гордостью выдохнула я.

– Денег дашь?

– Карту мою возьми, – разрешила я и открыла переноску, выпуская лысого восьмимесячного кота на волю.

Альфонс сам был в шоке. Прижимая хвост к телу, он осторожно высунул нос наружу, но выходить не спешил.

– Какой он прикольный, – умилилась подруга.

– Нужен? – с надеждой спросила я.

– У моей Элины аллергия, – расстроилась Янина, – я бы давно завела пушистого, ты же знаешь, я люблю животных.

– Проходи, я сегодня жажду напиться.

– Кота сейчас лучше не трогать, нужно дать ему время адаптироваться, сам выйдет.

– Ма, я пошел, – накидывая бомбер, сообщил Сева. – Что-то еще надо?

– Нет, спасибо, милый. Себе что-то купи, если хочешь...

– Мороженое мне не взял, – подсказал Сеня.

– Купи, – разрешила я.

Старший ушел, мы с подругой оставили кота осваиваться, а сами ушли на кухню.

Убрали вино в холодильник и сели болтать, параллельно готовя легкий ужин для мальчишек.

– Ты встретила с прорабом? – уточнила Яна, нарезаая сыр.

Я так скрипнула зубами, что подруга напряглась.

– Что?

– Встретила, но не с прорабом, – процедила я, – ошиблась немного.

– Рассказывай. Мне необходимо отвлечься.

Я и рассказала про Хасана Муратовича все, не забыв упомянуть, что он шовинист, хам и женоненавистник.

И про то, что мы пару часов назад снова встретились в школе, тоже рассказала.

– Бородатый хоть? – прыснула Янина, пока я негодовала.

– Угу.

– Харизматичный? Накачанный?

– Яна, он женский пол в принципе ненавидит. Мне сейчас точно не до любви, с проблемами бы разобраться...

– Дана, я тебе как педагог говорю: любого можно перевоспитать, просто нужно знать как. Если обычное воспитание не работает, то прикупи книжку по дрессировке диких зверей. Это работает, я точно знаю.

Мы переглянулись и засмеялись, сбрасывая накопившееся за день напряжение.

Вернулся Сева с лотком, кормом, какими-то игрушками для Альфонса и мороженым для Сени.

Мы покормили мальчишек, отправили их в комнату и просидели до поздней ночи, вспомнив о вине, только когда дети мои уснули.

Янина ушла уже глубоко за полночь. Я заперла за ней двери и встретила взглядом с осмелевшим котом, который смотрел на меня огромными глазами навывкате так жалобно, что у меня сердце сжалось. Я опустилась на корточки, погладила его и тихо произнесла:

– Ладно, ты не виноват в том, кто тебя и кому подарил. Живи, так и быть. Но я тебя кастрирую, это не обсуждается!

И отправилась спать.

Утром, как обычно, отвезла детей в школу и вернулась домой, решив заняться поисками новой строительной бригады. Обзвонила несколько номеров, но мне либо не ответили, либо ответили, что до зимы все заняты.

Я налила себе кофе, выглянула в окно и подпрыгнула, когда зазвонил телефон:

– Да, Сева.

– Ма...

– Опять к директору? – ахнула я.

– Да.

– Всеволод! Тебя ждет очень серьезный разговор!

– Я знаю. Приезжай.

Я сбросила вызов и потопала в прихожую.

Снова надела сапожки на каблуках, курточку, а последней мыслью перед выходом была: «Боже, только не снова с Хасаном, чтоб его, Муратовичем Хамидзе. Пожалуйста, пусть сегодня мой нашкодил в одиночестве!»

Глава 5

Данелия

Разумеется, свыше мои молитвы не услышали. И когда я парковалась у школы, рядом со мной остановился блестящий «Гелик», водитель которого вызвал острый приступ зубной боли.

Я закатила глаза, заглушила мотор и вышла на улицу, поправляя куртку.

На господине Хамидзе была только черная футболка, словно осенняя прохлада его не касалась. Он поставил машину на сигнализацию, устало потер шею, повернул голову, заметил меня и вздрогнул. Кажется, у него даже волосы на густой бороде зашевелились, а в глазах зажегся нехороший огонек.

Очевидно, наша неприязнь была взаимной, ибо я тоже восторга от встречи не испытала. Но решила быть воспитанной и вежливо поздоровалась:

– Добрый день.

Хасана Муратовича перекосило, а я сделала вывод, что конкретно его день – не добрый. Мой, впрочем, тоже, но не считала необходимым уведомлять об этом всех вокруг.

– Рад за тебя. Что снова натворил твой пацан? – грозно уточнил у меня Хамидзе.

– Мой? А может, ваш? И я не помню, когда мы перешли на «ты», – холодно ответила я.

Хасан Муратович предпочел не отвечать, а я, уже взвинченная до предела, гордо пошла вперед знакомой дорогой к кабинету директора. У входа остановилась, обернулась и, заметив на его лице страдальческое выражение, ехидно поинтересовалась:

– Что с вами? Вас так перекосило, словно у вас зубы разболелись.

– Зачесались, – тем же тоном ответил он.

– Детям в таком случае грызунки дают, – вежливо намекнула я.

Хасан Муратович, казалось, немного воспламенился, а у меня настроение немного улучшилось.

– Для челюсти вредно.

– Тогда попробуйте погрызть лед. Холод снимает зуд и успокаивает нервы, – продолжила я, входя в здание.

Хасан Муратович чеканил шаг следом, а я его взгляд на затылке чувствовала, настолько, что стало немного неудобно.

У кабинета директора я притормозила, чтобы перевести дух, а вот господин Хамидзе дух не переводил и без стука вошел.

Компания наших с ним бандитов пополнилась еще одним мальчишкой с задиристым взглядом и мужчиной – судя по сходству, его отцом.

Наши школьники сидели на табуретах у директорского стола, а когда мы вошли, Ильяс с ненавистью выдал, адресуя фразу побитому мальчишке:

– Я тебя в землю воткну!

– Я тебя сам воткну, – с той же ненавистью ответил пацан.

– Тихо! – так проникновенно сказал Хамидзе, что все послушались.

Даже директор притихла. Хасан Муратович осмотрел комнату и спросил у сына только одно:

– За дело?

– Да, – с достоинством ответил Ильяс.

А я ехидно покосилась на Хамидзе и уточнила:

– Мой, да?

Хасан Муратович помрачнел, но контраргументов не нашел.

– Вчера ваши мальчишки разрисовали кабинет литературы, сегодня подрались с одноклассником! Полюбуйтесь на его синяк.

– Мы... – начала я.

– Данелия! – осадил меня Хасан. – Я сам разберусь.

Я открыла рот, но решила временно не мешать ему «разбираться». Перевела взгляд на сына, который вот вообще не чувствовал себя виноватым, наоборот, словно жаждал продолжения разговора с постадавшим.

Да что у них здесь происходит?

– Мы будем подавать в суд, – прогундосил отец жертвы беспредела наших с Хасаном детей.

Хамидзе даже бровью не повел – просто перевел на него взгляд, и мужчина немного стухнул.

– Ильяс, за что?

Он всегда говорит так, словно сваи в бетон вбивает, или только когда рядом женщина? Интересно, что ему женщины сделали, что он так нас не любит? Напали ночью толпой и повыщипали бороду?

– Это неважно, – попыталась снова взять ситуацию под контроль директор.

– Важно, – не согласилась с ней я, – мы должны досконально разобраться в ситуации. Мой сын никогда ни с кем не дрался, и я уверена, что была веская причина, которую Всеволод нам сейчас и озвучит. Сева?

Мой сын сжал зубы и смотрел в окно. Ильяс, впрочем, тоже от него мало чем отличался, и оба играли в партизан.

– Важно то, что Алиев и Штер разлагают дисциплину, совершенно не уважают законы нашего лица, дерутся, рисуют и второй день подряд попадают в мой кабинет! – Директор подняла тон до фальцета.

– А куда смотрят педагоги в таком случае? – завелась я, жестом показывая Хасану не вмешиваться. – И почему вы, директор уважаемого заведения, не хотите разобраться в ситуации, а сразу вешаете всех собак на наших с Хасаном Муратовичем детей?

Я покосилась на Хамидзе, который стоял со мной плечом к плечу и сурово кивал, соглашаясь с моими доводами. Я в тот момент даже раздражаться из-за него перестала, когда ощутила его незримую поддержку. Ненадолго, конечно, но в тот момент мы действовали сообща, защищая своих детей.

– Я буду писать в соответствующие органы, – сообщила нам директор.

– Ильяс, я слушаю, – надавил на сына Хасан.

– Оливки, – с издевкой прошипел тот мальчишка, который стал сегодня жертвой.

– Ах ты, – завелся Ильяс, но быстро утих под взглядом отца.

– Какие оливки? – не поняла я.

– Подозреваю, что Оливия, – нахмурила брови директор.

И по реакции мальчишек я поняла, что она попала точно в цель.

– Кто такая Оливия? – мягко продолжила я.

– Которой этот таракан кухонный волосы отстриг, – сдался Сева.

– Что? – ахнула я. – Девочке – волосы?

– А вчера на стене в кабинете литературы написал про нее гадости, – продолжил Ильяс.

– Которые вы покрасили Пушкиным? – дошло до меня. – Так вы девочку защищали?

– Да, покрасили перед уроком, чтобы она не видела, – опустили головы наши сыновья.

– Простите, уважаемый, как вас зовут? – обернулась я к отцу вредителя.

– Иван Васильевич. Это еще доказать нужно, что мой сын...

– Я докажу, – пообещал Хасан тоном, от которого у меня мурашки по всему телу забегали в панике, – не сомневайся.

– Пожалуй, я свяжусь с родителями Оливии и подскажу им, как действовать, – согласилась я.

Наверное, Иван Васильевич хотел что-то сказать, но спорить со злым Хасаном не стал.

– Думаю, что детям стоит оставить нас наедине, – я перевела взгляд на директора, – Всеволод, Ильяс, в коридор.

– И без драк! – вставил свое веское Хасан, который явно с трудом терпел меня в этом занимательном диалоге, но молчал просто потому, что мы на одной стороне баррикад.

Дети понуро вышли в коридор, переглядываясь с мальчишкой, который обрил девочку, но в драку больше не лезли.

– Как будем решать вопрос? – прогремел Хасан Муратович.

– Никак. У моего сына синяк.

– А у Оливии волосы острижены, вы представляете, что это значит для девочки? – присоединилась я.

– Не вмешивайся, – приказным тоном велел мне Хасан.

Я дар речи потеряла от его нахальства.

– Я сам все решу, – добавил он в тот момент, когда я мысленно уже поднимала тяжелую статуэтку со стола директора...

Исключительно в воспитательных целях!

– А вы родители Оливии? – Иван Васильевич нравился мне все меньше.

И не будь я столь воспитанной, то взяла бы пример со своего сына и хорошенько дала в глаз!

– У тебя два дня, чтобы забрать сына из этого лицея, – решил все проблемы Хасан Муратович.

Я так понимаю, это его личный неповторимый стиль – решать все и за всех и просто уведомлять присутствующих? Из серии «мы тут посоветовались, и я решил»?

В этот раз я не могла с ним не согласиться, но командирские замашки одного конкретного бородача доводили буквально до неистовства.

– Я... – начал Иван Васильевич.

– Не обсуждается, – Хасан махнул рукой и переключил внимание на меня: – Пойдем.

– Что? Мы не...

– Мы все решили. Да? – уточнил он с нажимом у задумчивого директора, которая, судя по выражению лица, просчитывала варианты, как выйти из этой ситуации с наименьшими потерями.

– Я приму меры, – с достоинством пообещала она, – с Олегом будем работать.

– Два дня, – игнорируя ее обещание, пригрозил Хасан Ивану Васильевичу.

И первым двинулся к выходу. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. В конце концов, эту проблему я была готова ему делегировать, раз он так ратует за неравенство полов.

Наши сыновья стояли у окна и очень недобро косились на Олега, который подпирал стену возле кабинета директора.

– Мальчики, я вами обоими горжусь! – не могла не сказать я. – Вы оба большие молодцы, что защитили девочку.

И добавила мысленно: «Очевидно, шовинизм по наследству и воздушно-капельным не передается!»

– У вас еще уроки есть? – уточнила я, игнорируя Хасана.

Я хотела показать мальчишкам, что они поступили очень достойно. Как-то мотивировать их на дальнейшие подвиги, показать, какие они молодцы.

– Физра последняя, – ответил мне Сева.

– Так идите на урок, – снова все решил Хасан Муратович.

– Я Сеню заберу, мам, – улыбнулся мне Сева, поднял с пола рюкзак, и они с Ильясом ушли, оставив меня в компании Хасана Муратовича. Который спрятал ладони в карманах голубых джинсов и почему-то был неподвижным.

Решив, что если ему нравится стоять, то это его личное дело, я медленно отправилась к своей машине, преисполненная гордости своим сыном. Господин Хамидзе за мной не пошел, что я сочла хорошим знаком.

Вышла на улицу, села в машину, завела мотор и... Ничего! Машина никак не отреагировала. Боже, где я так нагрешила, что в моей жизни настала черная полоса?..

Я попробовала снова, но эффект был тот же: моя машина меня игнорировала. Я вышла на улицу, открыла капот и просто смотрела на переплетение деталей и проводов внутри, совершенно ничего не понимая в устройстве автомобиля.

А в мою сторону уже шагал Хасан Муратович, который говорил с кем-то по телефону и уже не выглядел таким хмурым. И умудрился удивить меня тем, что умеет улыбаться. Я думала, его улыбателные мышцы атрофировались за ненадобностью, а они очень даже бодро работали.

Он закончил вызов и равнодушно уточнил у меня:

– Не заводится?

– Нет, – с неохотой ответила я.

Я не слышала, что он прошипел под нос, возможно, пренебрежительное «женщины». Посмотрел под капот, забрал у меня ключи, сел за руль и... И эта предательница завелась! С пол-оборота!

Я желала провалиться под землю, когда из моей машины вышел господин Хамидзе, у которого на лице большими буквами было написано ехидство, превосходство и что-то еще... Надеюсь, он не подумал, что я тут представление разыгрываю, чтобы привлечь его внимание!

Поэтому я закрыла капот, гордо забрала из его руки ключи от машины и села в салон, заметив, что этот бородатый шовинист умеет не только улыбаться, но еще и самодовольно ухмыляться!

Вдавила газ в пол и поспешила уехать от него подальше.

Глава 6

Хасан

Яичница пригорела. Я уронил лопатку, развернулся, задел локтем кружку со свежезаваренным кофе, и она тоже полетела на пол.

– Па, зачем ты кухню громишь? – вошел сонный Ильяс.

– Сын, Аллахом заклинаю, не нервируй мне нервы с самого утра, принеси тряпку половую.

Я мысленно выругался, взял с плиты сковороду с яичницей и безжалостно выбросил ее содержимое в ведро. Протер пол, вымыл сковородку и снова попробовал пожарить яичницу.

– У нас на завтрак яичница или снова только зубная паста? – съязвил Ильясик, когда я дочиста вымыл пол.

Я скрипнул зубами и грозно покосился на бесстрашного пацана, который скоро поймет, что может из меня вить веревки, и ничего ему за это не будет. Или уже понял. А у него возраст сейчас такой, что его в строгости держать нужно, чтобы на кривую дорожку не свернул.

Я разбил в сковородку пять оставшихся яиц и коршуном следил, чтобы они не подгорели.

– Ты вчера уроки сделал? – вспомнил я.

– Сделал. И на тренировке был с Севой.

Севой... От воспоминаний о Стервелле Альбертовне у меня снова зубы разболелись.

Неделю эту женщину не видел, пацаны к директору тоже больше не залетали, и я успокоился немного. Но воспоминания о языкастой дамочке с бордовыми волосами нервировали до сих пор.

Особенно каблуки ее бесили.

– Ясно. Ешь.

Я поставил на стол тарелку с яичницей, Ильяс нарезал хлеб, и мы молча съели наш холостяцкий завтрак. Когда сын отставил пустую тарелку и поднялся, я предупредил:

– Чтобы сегодня никаких залетов к директору. Я устал к тебе в школу ездить, как будто я учусь, а не ты.

– Олега забрали из класса, – быстро ответил Ильяс и убежал.

Еще бы не забрали. По слухам, Стервелла Альбертовна устроила против него полномасштабное сражение, скооперировалась с родителями девочки и пошла в наступление.

Боевая дамочка, конечно. И въедливая. Как заноза в мягком месте. Даже на расстоянии умудряется постоянно напоминать о себе!

А еще такая же, как все. Ну не верил я, что у нее машина заглохла. Я специально задержался, а она не придумала ничего умнее, чем притвориться, что машина не заводится.

Надо будет сегодня Ильдара снова к ней на переговоры отправить, пусть выяснит, кому она хочет первый этаж сдавать...

Я убрал тарелки со стола, переоделся в футболку и джинсы, дождался, пока сын соберется, и повез его в школу. Остановил у ворот, не заглушив мотора, попрощался с сыном и поехал на работу. В ту клинику, которая находилась в ее здании.

Вопрос с ее новыми арендаторами надо порешать срочно. Не уверен, что у Стервеллы есть опыт ведения бизнеса, и она может не понимать, что не со всеми мне подойдет соседство.

Когда я выехал на шоссе, начался дождь. Сначала мелкий, а потом полилось как из ведра. Я снизил скорость и сосредоточился на своих делах.

Управление сетью стоматологических клиник мне передал отец три года назад, когда сам решил, что устал и хочет уйти на заслуженную пенсию. И я хорошо справлялся, масштабируя наше дело, открыл еще два филиала клиник и лабораторию. Персонал тоже выбирал сам, дотошно проверяя каждого, и бился за репутацию нашего семейного бизнеса.

Но вот беда – та клиника, которая находилась в здании Стервеллы Альбертовны, была самая прибыльная из всех, находилась в очень удачном месте, и именно там работали мои лучшие зубные техники и ортодонты, которые и приносили самую большую прибыль.

И я не мог позволить ей сдавать первый этаж в аренду тем, кто мог испортить мне посещаемость. Я припарковался на своем месте и выругался.

Да что ж ты деятельная-то такая!..

Стервелла Альбертовна устроила нам ремонт! Крыльцо первого этажа было перегорожено красной лентой, возле входа стоял грузовик с вывеской «стройматериалы с доставкой», а сама дамочка...

Да ты ж прораб красноволосый!

Парни из грузовика выгружали мешки со шпаклевкой прямо на землю возле кузова, а она под дождем в брюках, футболке и на каблуках пыталась сама эти мешки затащить внутрь.

Судя по тону ее общения с мужчинами, дамочка уволила нафиг всех прорабов и решила делать ремонт своими силами, Стервелла Руки-шпатели, блин!

Она с трудом подняла мешок и потащила внутрь, сгибаясь в три погибели.

Я не выдержал. Вышел из машины, пригибаясь от капель дождя, и яростно пошел нарываться на неприятности.

– Я не понял, вам что, женщине трудно помочь? – наехал я на трех парней в комбинезонах.

– В наши обязанности это не входит, – отрезал самый борзый, – довозим только до крыльца.

Я срисовал себе название конторы, молча подошел и взял один мешок.

Она вышла, тяжело дыша. Заметила меня. Округлила глаза, потом сощурилась и открыла ротик.

– Отойди с дороги, – потребовал я.

– Я справлюсь, – гордо ответила она.

Действовала она на меня как естественный раздражитель. Красноволосая раздражающая субстанция!

– А че сама? Строители на каблуках работать не хотят, а у тебя фетиш? – иронично уточнил я, занося мешок.

Осмотрелся и бросил рядом с первым справа от двери.

– Господин Хамидзе, я не просила вашей...

– Спасибо! – перебил я.

– Пожалуйста, – непонимающе ответила она, а я взорвался.

– Ты должна «спасибо» мне сказать. За помощь. А не жужжать в мозгах.

– А я...

– Стервелла Альбертовна, давайте молча перетаскаем мешки, вы слишком громко говорите, у меня голова болит, – признался я.

– Вы...

– Молча, – отрезал я, возвращаясь, – или сходи с доставкой поругайся, если очень хочется.

– Вы сейчас серьезно? – Она приподняла бровь и скрестила руки на груди.

– Абсолютно. Закончим с мешками и обсудим, кому ты будешь сдавать первый этаж, – решил я.

И вышел за следующим мешком. Легко поднял и понес к предыдущему.

А эта женщина тоже рванула мешки таскать.

– Положи! – рявкнул я, когда она наклонилась.

Она резко развернулась и обожгла меня льдом своего взгляда.

– Я тебя к врачу не повезу, когда спину сорвешь, – предупредил я.

– Свою поберегите, – с достоинством ответила она.

– Точно! – согласился я и достал телефон.

Набрал номер и приказал:

– Ильдар, бери Алана, Рому и Рафаэля, переоденьтесь в рабочее, что не жалко, и спускайтесь на первый этаж, мне помощь нужна. Стервелла Альбертовна, уйдите с дороги и не отвлекайте.

– Не знала, что таскать мешки – это интеллектуальное занятие, требующее умственной нагрузки, – ехидно отбрила она.

– Теперь знаешь, – развел я руками и подхватил новый мешок. – Мне тебя что, в машине закрыть, чтобы под ногами не путалась?

– У вас что, финансовые проблемы, что вы так агрессивно на работу ко мне устраиваетесь? – воинственно уточнила она.

– Да. Я тебе потом счет на оплату пришлю за свои услуги грузчика.

– Тогда будьте любезны надеть туфли. У меня, понимаете, фетиш. А раз вы теперь работаете на меня...

Я остановился и грозно посмотрел на нее. Ноль реакции! Ни намек на уважение, испуг или благодарность! Только глаза голубые сверкали от негодования.

У нас что, в аду случился день открытых дверей, и все ведьмы разбежались кто куда? А главная у меня тут ремонт решила делать?

Я услышал голоса, шаги, и мои парни в старых медицинских костюмах вошли в помещение.

– Мешки надо перетаскать, – отрывисто приказал я, – складывать сюда.

– Поняли, – согласились мужики и принялись за дело.

– А ты идешь со мной, – указал я на Стервеллу.

– Господин Хамидзе, кто вам дал право... – начала она возмущенно, когда я потянул ее за собой в сторону, чтобы не мешать пацанам.

– Я. Сам себе дал. Попробуй отбери. Теперь скажи мне, кто собирается арендовать у тебя первый этаж.

– Кондитерская «заводной пирожок», – недовольно фыркнула она.

– Нет, – отрезал я, – нельзя.

– А я спрашивала вашего разрешения? – Ее снова бровка изогнулась и приподнялась на лоб.

– Кто-то еще?

– Хасан Муратович, позвольте, я...

– Не позволю. Никаких кондитерских, пирожочных и конфеточных здесь не будет.

– Может, еще одну стоматологию тогда... – предположила она и сверкнула глазами.

– Тогда я на тебя в суд подам, у нас в договоре это прописано!

– В договоре с отцом. Мой договор вы игнорируете и не присылаете мне подписанный экземпляр. Я три дня назад на почту отправила!

– Значит, там ошибка.

– Орфографическая? – с ухмылкой уточнила Стервелла.

Ядовитая какая, а!

– Я сегодня тобой займусь, – пообещал я.

– Не смейте мне угрожать, Хасан Муратович!

– Договором твоим! О, женщины...

– Да что вы к женщинам прицепились, шовинист вы! Что мы вам сделали? На вас женщины напали и бороду вам выщипали, что вы так нас ненавидите?

Интересно, у нее язык уже раздвоился или еще в процессе?

– Вы руководствуетесь эмоциями, игнорируя здравый смысл!

– А вы само воплощение здравого смысла. И ни единой эмоции, да, господин Хамидзе?

– Да, Стервелла Альбертовна, – вежливо кивнул я, сдерживая раздражение.

И чтобы не сорваться, пошел на улицу. Не мог я объяснить, почему так нервно на нее реагировал. И не хотел. А хотел как можно скорее оказаться от нее как можно дальше.

Нервно вздернул в воздух очередной мешок и...

– Рафаэль, – прокряхтел я, – я, кажется, спину сорвал!

Глава 7

Данелия

– Рафаэль, я, кажется, спину сорвал! – донеслось до меня.

Господин Хамидзе стоял с мешком в руках, скрючившись буквой «зю», а я...

Нет, я не злорадствую! Не злорадствую, сказала!

Я наблюдала, как крепкий парень, которого Хасан Муратович назвал Рафаэлем, забирает у него тяжелый мешок и...

– Вам плохо? – Я очень хотела, чтобы голос звучал сочувственно, но пара ехидных ноток все же проскочила, и от внимания Хамидзе они не ускользнули.

– Нормально, – ответил он, сверкая глазами.

– В вашем возрасте, конечно, карьеру нервного грузчика начинать опасно, – протянула я, – но раз уж вы вызвались мне помогать, то я чувствую за вас ответственность и готова сопроводить к доктору. В отличие от вас, Хасан Муратович, я умею людям сочувствовать. Помогите шефу дойти до моей машины, – обратилась я к его помощникам.

– Я никуда не поеду, – прокричал Хамидзе, которому точно было больно, но он же мужик, который слабости не показывает...

Я отметила, что держался он с достоинством и даже попытался выпрямиться, сжал зубы и остался стоять.

– Вам нужен врач, – настаивала я.

– Я сам врач.

– Да? – не поверила я, – травматолог?

– Стоматолог!

– Вот когда у вас зачихает зуб, тогда и поможете сами себе. А сейчас, если вы отказываетесь от моей помощи, то я звоню в скорую.

Я достала мобильный, а Хасан Муратович мимикой изобразил негодование на лице.

– Я сам справлюсь, женщина! – проворчал он.

– Мужчины, шефу нужно сесть, а лучше – лечь. На ровный, холодный пол. И валик под колени положить, – продолжала командовать я, – и лед.

– Погрызть? – уточнил Хамидзе.

– Как пожелаете, – очаровательно улыбнулась я, – можете погрызть, но лучше к спине приложить. Ну Хасан Муратович, как же вы так неосторожно...

Он стал выглядеть так, словно ему срочно понадобился стоматолог в его же лице, потому что разом воспалились все зубные нервы и зачихали все зубы хором.

Хасан Муратович осторожно зашагал в сторону и сел прямо на мешки со шпаклевкой. И, наконец, выдохнул, пока я набирала номер скорой помощи и объясняла женщине, что конкретно у нас произошло.

– Фамилия пациента? Хамидзе. Ага. Хасан Муратович.

– Алиев, – поправил меня мой оппонент.

Я ойкнула, потому что от стресса забыла, что он Алиев. Хасан Муратович скрипнул зубами и так на меня посмотрел, что будь я не настолько стрессоустойчивой, то непременно стала бы меньше ростом.

Я быстро продиктовала диспетчеру всю информацию, мы исправили фамилию и приготовились ждать.

Неловко с фамилией получилось, а я засомневалась: нужно ли мне извиниться или Хасан Муратович перетопчется? Его манера вести со мной переговоры как бы намекала, что обойдется он без извинений, но мое воспитание говорило, что формально извиниться я все же должна.

– Нужно приложить холод к поврежденному участку, я настаиваю. Хасан Муратович, вы верите в карму?

– Нет, – отрезал он. – Когда скорая приедет?

– Обещали минут через пятнадцать, – вежливо ответила я, – знаете, а я верю в карму.

– Слушай, мисс Неугомонность... – начал Хамидзе.

– Я все же считаю, что вам нужно пересмотреть свое отношение к женщинам, возможно, спина – это только начало...

– Давай я у тебя это здание выкуплю? – огорошил меня Хамидзе. – Дам выше рыночной цены.

– Какой вы щедрый, – восхитилась я, – но нет, я с мужчинами дел не веду. Они слишком агрессивны. Возможно, подобное предложение от женщины я бы рассмотрела, но вам точно не продам.

С каждым произнесенным мной словом на его лице сгущались тучи. А я всего лишь ответила его же монетой!

– Мы еще вернемся к этому разговору, – пообещал он, хватаясь за спину.

– Не тратьте время и силы, Хасан Муратович, – посоветовала я, – я сделаю здесь ремонт и сдам его в аренду «Заводному пирожку» и кондитерской «Крендель под прикрытием». Возможно, в угловой кабинет еще пушу кофейню «Сладкую пытку». И не волнуйтесь, договорюсь, чтобы вам и вашим работникам предоставили скидку.

– Какую пытку? – уточнил Хасан.

– Сладкую, – улыбнулась я.

Парни, которые продолжили затаскивать мои стройматериалы, заржали, но под грозным взглядом начальства быстро успокоились.

– Муж твой где? – вздохнул Хамидзе.

– Улетел. Как Карлсон. Но обещал вернуться. А что?

– Хочу с ним обсудить.

– Не получится. Это помещение мое. Мой муж не имеет к нему никакого отношения.

– Как тебя замуж взяли такую?

– Ну как... Я угрожала ему пистолетом, а потом шестнадцать лет шантажировала, иногда по ночам к кровати привязывала, чтоб не сбежал. А сейчас вот в отпуск отпустила под расписку, что он непременно вернется. И взяла в заложники его сыновей.

– Уверен, что так и было, – закивал он.

– Разумеется, – не стала спорить я, – уверена, что вы тоже женились с применением угроз и шантажа. Ну кто сможет терпеть такое неуважение к женскому полу?

– Я ее просто украл у родителей, мнения не спрашивал, привыкла уже, – перешел он на ядовитый тон.

– Боже мой! Да вы тиран! Может, еще и квоту на количество слов в день ей выделяете?

– Не больше пяти в сутки, – согласился Хамидзе.

– Странно, что вы еще живы при таком раскладе, я бы...

– Ты бы уже меня в яде утопила, который с твоих губ сочится, – подсказал мне Хасан Муратович.

– Знаете, я не настолько примитивна. В любом деле важен подход, креатив... Вы бы погибли очень красиво...

– Да ну? И как же? Запустила бы в меня пончиковый десант или отравила заводным пирожком? – заинтересовался он.

– Это все очень топорно, Хасан Муратович. Очень. Есть способы куда деликатнее, учитывая, что у вас явные проблемы со спиной, вы мало двигаетесь, много волнуетесь... Думаю, если хорошо поискать, то проблемы с сердцем мы точно у вас найдем. Уверена, у вас в анамнезе

еще и кислотность во всем организме повышенная, поэтому вы и злой такой. Я бы предложила вам прыгнуть с парашютом. Кстати, действительно, не хотите? Я готова оплатить...

– Не надейся, Стервелла Альбертовна, живучий я. И с парашютом прыгал.

– Скажите, что он раскрылся и ваша повышенная раздражительность – это все-таки кислотность, а не ушиб всего головного мозга, – взмолилась я.

– Ушиб. Мозг у меня только на молитвах в голове и держится, – азартно парировал Хамидзе.

– Боже, запишите и мне эту молитву, я за вас ее много раз в день читать буду...

– Задом наперед, как заклинание?

– Ну разумеется, – пожала я плечами.

– Я так и думал. Надо имама позвать, пусть портал в ад закроет, из которого ты выбралась.

– Да, пусть закроет, я подольше здесь задержусь. Предупредите о его визите, пожалуйста, я в этот день посижу дома.

– Я подумываю один кабинет под мечеть выделить.

– Ведьма против, в договоре этот пункт не указан.

Мы бы так и продолжали обмениваться любезностями, если бы наконец не приехала карета скорой помощи. Хасан Муратович мужественно поднялся, отказавшись от помощи парней и, прихрамывая и пригибаясь, сам пошел докторам навстречу.

Один из парней, тот, что носил модные очки и выглядел как студент-отличник, отправился вслед за ушибленным начальством, а остальные...

– Шеф сказал перетаскать все, мы шпаклевку всю занесли, – сообщил мне Рафаэль, – еще что-то привезут сегодня?

– Я справлюсь, благодарю за помощь.

– Я в окно увижу – спущусь, – пообещал Рафаэль, и с нажимом добавил: – Шеф велел.

– Рафаэль, моргните, если он держит вас в заложниках, – улыбнулась я.

Парень в ответ на это только весело рассмеялся, отряхнул руки и ушел, забирая с собой остальных.

Парни друг за другом, как утята, шагали под навесом, прячась от дождя, карета скорой уже покинула парковку, а я осталась стоять в пустой комнате и думать. О нахальном Хасане Муратовиче, вместо ремонта, разумеется.

Да меня ни один мужчина так из себя не выводил, как этот! Здание мое он выкупить захотел... Ни за что не продам. Ему – точно не продам. И помощь его мне не нужна, для меня было принципиально научиться справляться со всем в одиночку, не надеясь ни на кого. Однажды я уже понадеялась... Хватит.

Женщина должна быть автономна и самостоятельна, чтобы в любую жизненную непогоду я могла прокормить и достойно обеспечить своих детей.

Жаль, что я не сразу поняла эту мудрость!

Я выпила воды, заперла двери на первый этаж и поехала домой, чтобы вновь попытать счастья в поиске незанятых в пиковый период ремонтников...

Глава 8

Данелия

– Лови «оливку»!

Я резко распахнула глаза и подпрыгнула на постели, услышав голоса сыновей за дверью.

– Я щас тебе уши откручу и местами поменяю, – пригрозил младшему Всеволод.

– А я тебе нос откушу! – пообещал младший.

Я знала, что дальше начнется драка, и поспешила разнимать. Мальчишки уже боролись в коридоре, всухую побеждал Всеволод; при моем появлении оба застыли и сделали вид, что они статуи.

– Разошлись! – приказала я.

Всеволод нехотя отпустил Арсения, младший пихнул его локтем, старший поднял было ногу, но наткнулся на мой хмурый взгляд и опустил. Однако взглядом пообещал брату, что обязательно возьмет реванш.

– Краску привезли, мам, – сообщил мне Сева.

– Я не заказывала, – вскинулась я, ставя на плиту кастрюлю.

Я со своим ремонтом в помещении скоро начну собственное имя забывать!

– В школу, кабинет закрашивать. Дядя Хасан все купил.

Меня перекосило от «дяди Хасана», но я мужественно достала из холодильника пачку сосисок и ждала, когда закипит вода.

Когда успел? Или за три дня, что мы не виделись, он уже вылечил спину?

Арсений ускакал в свою комнату, а Сева мялся на пороге кухни.

– Хорошо, я свяжусь с дядей Хасаном и отправлю ему половину суммы, – решила я.

– Он сказал, что денег с тебя не возьмет. Это по-мужски. Мужчины от женщин деньги не принимают, – почесав нос, признался Сева.

Как будто меня интересовало его мнение!

– Хорошо, сын. Когда планируете закрашивать? Сегодня?

– Да, после уроков.

– Хорошо. Зови брата, будем завтракать.

Я быстро сварила сосиски, пожарила яичницу, накрыла на стол и ушла собираться. Утренняя рутина немного успокаивала. Привычные действия не позволяли поддаваться панике, потому что строителей я так и не нашла.

Может, попытаться возобновить старые контакты? Сделала себе пометку в уме сегодня позвонить Янине и повезла детей в школу.

Мальчишки убежали, а я позвонила старой подруге.

– Ян, доброе утро. Не спишь? – спросила, когда она ответила на вызов.

– Нет, я дома. Заходи, если не занята, Элинка в школе.

– Я по делу. У тебя, случайно, нет контактов того, кто может помочь с ремонтом?

– Давай встретимся? – вдруг посерьезнела подруга. – Лично обсудим.

– Я через пятнадцать минут буду у тебя, – прикинула я.

– Ставлю чайник.

Через двадцать минут я уже стучала в дверь подруги, а когда вошла, мне в нос ударил аромат свежее испеченного пирога.

– Входи, – пригласила Яна, которая была непривычно собранна и серьезна.

– Что случилось? – напряглась я.

– Есть разговор. Но сначала чай.

– Давай, – согласилась я, проходя в кухню.

В квартире подруги все изменилось. Новый ремонт, новая мебель, лишь вид из окна напоминал о том времени, когда мы пропадали друг у друга в гостях.

Яна налила чай, поставила передо мной кружку и выставила яблочный пирог с корицей.

– Говори уже, я нервничать начинаю, – попросила я.

– Сейчас.

Подруга ушла в комнату, а вернулась с папкой и документами.

– Что это? – не поняла я.

– Бизнес-план, – загадочно начала Яна, – я бы хотела арендовать у тебя помещение и попытаться открыть там школу иностранного языка и кабинет подготовишки. Я все узнала – там отличное место и почти нет частных школ.

– Продолжай, – заинтересовалась я.

– Детей в округе много, там три садика рядом. А дополнительных развивашек нет. Дана, я педагог с большим стажем, у меня есть своя база учеников, так что начинаю я не с нуля. Я возьму кредит... Или...

Яна смутилась, словно ей было неловко, а я, кажется, поняла, в чем причина ее нервозности.

– Зовешь в долю? – улыбнулась я.

– Я не хочу, чтобы ты решила, что я хочу воспользоваться дружбой с тобой. Я понимаю все риски и беру их на себя. Но если бы ты хотела, то мы могли бы разделить обязанности. Ты отличный финансист, я педагог. Заключим договор... Или я просто у тебя его арендую.

Я бегло пробежала глазами бизнес-план, составленный подружкой.

– Нет, подожди, это отличная мысль, – оживилась я.

– Да? – Яна выдохнула и расслабилась.

– Да. И стоматология нам там даже в плюс. К тому же у Хасана отдельный вход с торца, мешать он нам не будет. Развернем рекламную кампанию, сделаем сервис, отличный от других. Придумаем свою фишку. Это может сработать... Но есть нюанс!

– Какой?

– Ремонт, Яна. Я уже больше двух недель не могу найти приличных специалистов! – пожаловалась я.

– Я позвоню паре знакомых, может, у них есть. Хотя бы для черновых работ. Остальное я и сама могу. Изучи бизнес-план, самые большие затраты у нас уйдут именно на ремонт и закупку методических материалов. Окупим не сразу, но года за четыре должны. Лицензию я получу без проблем, с СЭС и прочими проверками тоже вопросы быстро решим. Почитай внимательно мой бизнес-план, обдумай и скажи, готова ты со мной пойти этот путь или просто сдашь здание в аренду.

– Договорились, – согласилась я, – но идея мне очень нравится. Я сегодня все посчитаю.

– А я поищу тебе ремонтную бригаду, – пообещала Яна.

Мы пожали друг другу руки, я убрала папку в свою сумку, и мы сели сплетничать.

– Представляешь, он от собственного яда спину сорвал три дня назад, – жаловалась я на Хамидзе.

– Он нас этим ядом со второго этажа не затопит? – смеялась подруга.

– Может. Он считает, что женщина где угодно, кроме кухни, – это рудимент! Ненужная вещь. Бизнес он с женщинами не ведет, в переговоры, как с террористами, не вступает. И разговаривает так, словно он все уже решил, а другие должны молча подчиниться. Меня так ни один мужчина из себя не выводил, как этот бородатый диктатор!

Яна только мягко улыбалась, слушая мою пламенную речь. Я прерывалась, только чтобы съесть еще кусочек самого вкусного яблочного пирога. Мы еще немного обсудили вопиющее нахальство Хамидзе, а также бывшего Янины, который решил, что если жена бывшая, то и ребенок тоже бывший, и я отправилась к себе.

Переделась в спортивный костюм, забрала из школы Арсения, отвезла его к моей маме и снова вернулась в стены учебного заведения. Сверилась с часами, поняла, что у Всеволода уже час как закончились занятия, и отправилась в кабинет литературы.

Мальчишки, смеясь, закрашивали стены, а за моей спиной раздалось:

– Какие люди!.. Стервелла Альбертовна, так и знал, что в тебе еще не погиб прораб и он рвется в бой. Тебя хлебом не корми, дай что-нибудь отремонтировать!

Я медленно развернулась и посмотрела в его насмешливые глаза.

– Господин Хамидзе...

– Он самый. Так и думал, что ты побежишь сама все красить!

– Мне льстит, что вы обо мне думали. Но лучше бы думали о своей спине, боюсь, она уже просто не выдерживает вашего самодовольства и шовинизма.

Он спрятал ладони в карманы джинсов и уверенной походкой подошел ко мне вплотную.

Я осталась стоять на месте, но сердце забилося весьма беспокойно. Откуда я могу знать, может, он буйный? Или сам хочет стены в школе закрасить?

– Ну, заходи! – Он мотнул головой в сторону класса.

Мамочка!

Глава 9

Данелия

Хамидзе сегодня выглядел особенно пугающе! И смотрел так, словно он инквизитор, а я ведьма, которая последние тридцать лет прогуливала у него пытки.

Я сделала шаг назад, Хамидзе шагнул вперед. Я сделала еще один, тактически отступая от взбешенного мужчины, и уперлась спиной в стену.

– Дайте пройти, – проворчала я.

– Ты зачем пришла, Стервелла Альбертовна? Пацана мне решила испортить?

– Каким образом? – ахнула я.

– Таким, что он сам должен свой косяк отработать, без твоей помощи. Своего решила рохлей вырастить и моего подтянуть?

– Господин Хамидзе, я здесь с целью исключительно помочь! – Я так разозлилась, что даже умудрилась указательным пальцем его в грудь ткнуть.

Очень жесткую грудь.

И лучше бы я этого не делала, потому что глаза у Хасана Муратовича очень опасно сверкнули, а мысленно он, кажется, выбирал оружие для пыток.

– Вы сами-то зачем сюда пришли? У вас запасная спина есть в наличии, что вы на подвиг решились? И только не говорите, что из-за меня!

– За пацаном заехал, – выплюнул он с ненавистью, – а тут ты развращаешь мне сына.

– Это называется взаимопомощь, сухарь вы бездушный! Ребенок должен знать, что родители всегда помогут! – завелась я.

Не говорить же ему, что я тоже заехала за сыном и по несчастливому стечению обстоятельств снова встретила с этим бородатым хамлом!

– Пацан должен знать, что за свои слова и действия надо отвечать! – парировал Хамидзе. – А ты мне все воспитание портишь. Я думал, твой пацан на моего плохо влияет, оказывается не он, а ты!

– А может, дело не в нас? Хасан Муратович, если все вокруг кажутся вам идиотами, то, может, стоит посмотреть вглубь себя и убедиться, что идиот не вы?

– У меня с тобой точно глаза скоро завернутся в обратную сторону, чтобы посмотреть, не дымится ли мозг! – согласился он.

– Было бы любопытно на это взглянуть, – хмыкнула я.

– Чем расплачиваться за шоу будешь?

– Могу мазью от радикулита. Или настоем валерианы на коньяке. Что предпочитаете?

– Предпочитаю больше никогда тебя не видеть. Сможешь?

– Чем за такую услугу расплачиваться будете? – вернула ему его же слова.

– Сосудом Гигеи. Банка специальная для змей, куда они яд сливают. У тебя явно передоз, лишнее надо сцеживать. К слову, яд королевской кобры на черном рынке можно дорого продать.

– Спасибо за комплимент. Я не просто кобра, а целая королевская, – ехидно прошипела я.

– Порадуйся и заходи в класс, королевский прораб, тебя так и тянет поруководить чьим-нибудь ремонтом!

– Да пожалуйста! – фыркнула я.

Но Хамидзе стоял настолько близко, что пространства для маневра не оставалось. Пришлось снова с осторожностью тыкать пальчиком в его грудь, дабы сдвинуть эту машину с дороги и пройти.

Сегодня я надела кроссовки вместо привычных каблучков, и оказалось, что ростом я ему едва доставала до плеча. Хасан Муратович, кажется, задымился, когда я снова его коснулась. Сжал челюсти так, словно от этого зависела его жизнь, и громко втянул воздух носом.

– Да отойдите вы с дороги. И не сопите так, словно готовитесь к чемпионату «кто кого пересопит» с ближайшим быком! – не выдержала я.

Хасан Муратович нахмурил брови и нехотя сделал шаг назад, пропуская меня в кабинет литературы. Я временно проглотила колкость, что у него не только спину, но и межбровку защемило, и прошла в класс.

Мальчишки при виде меня напряглись и переглянулись, а я прошла вглубь кабинета, обернувшись, глядя на стену, и...

– Это Булгаков? – спокойно уточнила я, глядя на второй портрет, написанный рядом с Александром Сергеевичем.

– Похож, да? – обрадовался Сева.

Хасан Муратович вспомнил, что готовится к соревнованию, и снова засопел.

– Вам что было сказано сделать? – рявкнул он. – Ильяс, мне надоело смотреть на вашу директрису каждую неделю!

– Сейчас закрасим, повеселиться просто хотели, – скис Ильяс.

– Я помогу... – вызвалась я. – Дайте и мне респиратор и валик, вдвоем веселее.

Хамидзе перекосило, а я только в тот момент заметила, что он все еще прихрамывал и постоянно разминал плечи.

– И дядя Хасан нам поможет, – объявила я.

Судя по взгляду «дяди Хасана», он уже отрепетировал мои торжественные похороны в своей голове и радостно сел отбывать наказание за мое убийство.

– Сте... Данелия Альбертовна, выйдем? – предложил он, снова сокращая расстояние между нами.

Пока не оказался совсем близко.

Снова!

Я краем сознания отметила, что у него очень приятный парфюм. В отличие от его носителя!

– Я помогу мальчикам. А вы можете идти, да, – кивнула я и шепотом продолжила: – Возле вашей клиники есть неплохой салон, где можно сделать пирсинг в носу. Только просите сразу красивое колечко. Говорят, это даже не больно.

– А ты свое почему не носишь? – Он приподнял бровь и насмешливо посмотрел на меня. – Или у тебя на языке? Давно хотел спросить, он у тебя раздвоенный?

– Вы этого никогда не узнаете, – выдохнула я.

– Слава Аллаху, такое зрелище я могу не пережить, – кивнул мне Хамидзе и переключился на мальчишек: – Закрашивайте это безобразие!

– Сейчас, – пообещали оба, поправили респираторы на лицах и взялись за дело.

А я неожиданно вспомнила:

– Хасан Муратович, сколько я вам за стройматериалы должна?

– Нисколько, – отрезал он.

Осмотрелся, взял один стул, поставил его у первой парты и медленно сел.

– Я настаиваю, – надавила я.

– Я не возьму у женщины деньги! – уперся он.

– А в клинике вы с женщин деньги берете или бесплатно лечите? – уточнила я.

– С закрытыми глазами беру, – согласился он.

– Ладно, – прошипела я, – вы в родительском чате есть? Ага, нашла, присутствуете. Банк к этому номеру привязан? Сейчас проверим...

– Если хоть один тугрик мне на счет от тебя упадет...

- Вы за тугрики покупали? Значит, верну по курсу. Так сколько?
- Миллион, – ухмыльнулся Хамидзе.
- Вы все школы в городе решили перекрасить? – изумилась я.
- Угу, чтоб тебя занять. Будешь ремонтами руководить и не мешаться, – согласился он.
- Мне лестно, что вы так потратились, чтобы найти мне работу, но я, пожалуй, откажусь.

Назовите сумму, Хасан Муратович.

- Назвал, – нахально ответил он, вальяжно разваливаясь на стуле.

И посмотрел мне в глаза.

- Хорошо, три тысячи хватит? – уперлась я.

- Миллион. И ни копейкой меньше. Можем договор займа подписать.

- А договор аренды вы подписать не хотите?

– Нехотя подписал утром. А ты, вместо того чтобы по школам бегать, лучше бы почту проверила.

– Извините, Хасан Муратович, что не уточнила у вас утром, чем мне сегодня заняться, – ехидно парировала я.

- Лучше с вечера спрашивай, я вечером лучше соображаю, – величественно кивнул он.

Невыносимый он! Хамидзе умудрился взбесить меня так, что у меня темные круги перед глазами поплыли! Как его жена терпит?

Как с ним вообще можно разговаривать и вести общие дела?

Я отвернулась и постаралась вспомнить, что когда Хамидзе не рядом, я воспитанная женщина. Которая не ругается матом и никого не мечтает поколотить валиком!

Наблюдала, как ловко мальчишки закрашивают великих писателей, скрестив руки на груди, и поймала Хасана Муратовича на том, что он без стеснения меня рассматривал. С неприязнью, словно я назойливая муха, которая каким-то образом пробралась ему под футболку и жужжала оттуда.

Развернулась и вернула ему его же взгляд. Приподняла бровь и заметила, как у него дернулась мышца на щеке. Казалось, что еще немного, и мы пойдем врукопашную. Или начнем фехтовать валиками.

От неминуемого сражения меня спас звонок мобильного.

- Да, Арсюша, что случилось? – ответила я.

– Мы с бабушкой вернулись с тренировки к нам домой. Альфонс голодный, купи еды, – отчитался сын.

- Хорошо, – согласилась я.

И зачем-то повернула голову к обалдевшему Хасану, который не преминул уточнить:

- Теперь понятно, почему ты так горишь на работе? Альфонса себе завела?

- Да. Лысого, – согласилась я, – кормлю, пою, кастрировать вот завтра планирую.

- А он согласен?

- Его мнения никто не спрашивает, – отмахнулась я, – мой дом – мои правила.

– Надо у тебя здание все-таки выкупить, а то вдруг ты и его своим домом назначишь и всех моих работников кастрируешь, – насмешливо ответил Хасан Муратович.

– Интересная мысль, – согласилась я и послала Хасану Муратовичу свою лучшую улыбку, – а здание я вам не продам, даже не мечтайте!

- Посмотрим...

- Посмотрим, – тем же тоном ответила я...

Глава 10

Хасан

Стервелла Альбертовна так задрала свой нос, словно собиралась его кончиком на потолке написать слово «Хамидзе». И глазами своими голубыми сверкала, упрямая, непрошибаемая, стервозная коза!

Меня в жизни только одна женщина могла так довести... Моя жена! Та женщина, что родила мне сына и ушла к Аллаху. И эта красноволосая тигрица, у которой в анамнезе слабость, отвага и ядовитый, раздвоенный язык!

Я попытался вспомнить, какого хрена я вообще поперся сегодня в школу. Мысли скучковались не сразу, мне все время мешала Стервелла, чтоб ее, Альбертовна. Бесило все: как она говорила, двигалась, смотрела и даже дышала.

Может, к ней Ильдара на переговоры отправить? Пусть он уговорит эту стерву продать мне здание. Я не планировал такие расходы в этом году, но готов был потратиться. Исключительно ради сохранения последнего целого капилляра после похищения Эмилии*.

Я слишком стар для таких ролевых игр!

Так, о чем я думал? До того, как она снова задышала и выбесила...

А Стервелла решила меня сегодня довести окончательно, когда взяла респиратор и потянулась за запасным валиком. Я автоматически отметил, что у ее пацана явный талант – рисовал он очень хорошо. И закрашивал стену тоже вдохновенно, ровно и аккуратно.

Любовь к стройке – это семейное, да?

Я наблюдал, как Стервелла надевала респиратор, а после насмешливо хмыкнул:

– Тебе идет! Подарю тебе на Восьмое марта такой же повседневный.

Она нервно стянула респиратор на шею и в своем фирменном ядовитом стиле ответила:

– Хасан Муратович, у вас на языке язвы не появились? Говорят, от яда случается.

– Если твой яд на него не попал, то не появились.

Глянул на пацанов, которые слушали музыку в наушниках и вдохновенно красили стену крупными мазками, и снова переключил внимание на стерву. Та так же взглядом показала свое негодование, вернула респиратор на лицо и взялась за валик с особой жестокостью. Не женщина, а какой-то ядерный реактор. Боеголовка дальнего действия. Сказал ей, чтоб не мешала воспитательному процессу, – она словно наперекор пошла помогать, прораб полутораметровый!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.